ВСЕ ЧАЩЕ ФИГУРИРУЕТ В РОЛИ ПОТЕРПЕВШЕЙ ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Природоохранных законов в Узбекистане принято порядка тридцати и около полусотни действует в стране подзаконных актов. Но нередко они не исполняются, а порой, как в песне: если один говорит из них \»да\», \»нет\» говорит другой. \»*Правда Востока*\», *6,7.11.2002г., экоальманах* \»*Под знаком Арала*\», *2003г.***хотя законодательство вроде бы на ее стороне**

Природоохранных законов в Узбекистане принято порядка тридцати и около полусотни действует в стране подзаконных актов. Но нередко они не исполняются, а порой, как в песне: если один говорит из них \»да\», \»нет\» говорит другой.

Зачем помнить, что было?

Недавно довелось услышать, что в советское время напортачили с природой, зато теперь в республике создано такое мощное законодательство по ее охране, что волноваться не о чем.

…Очень волновались в конце восьмидесятых. Тогда организовывались шумные акции в защиту окружающей среды. Митинговали и в Коканде. Уже был принят союзный закон об охране природы, вот и добивались граждане его исполнения:

\»Если завод угрожает окружающей среде, здоровью людей, закройте и перепрофилируйте!\» Как-то в редакцию приехали из Коканда ходоки: \»Хотим пригласить журналистов. Пусть узнают, что говорят люди и специалисты, и напишут. А то большие чиновники нас слушать не желают\». Вашего корреспондента и откомандировала редакция, чтобы разобраться, чем не гож новый химзавод, дающий работу полутора тысячам человек.

По прошествии лет многое кажется наивным и бесполезным. Инициаторы тогда беспокоились, чтоб в доме культуры висел на сцене портрет вождя. Считали, с ним честнее. На его фоне и шли дебаты санкционированного митинга. Горожане жаловались, что с пуском завода резко выросли вредные выбросы в атмосферу и у живущих по соседству участились аллергические приступы, заболевания кожи и органов дыхания, что

завод посажен на галечник над Сохским месторождением пресных подземных вод, что проливы кислоты на галечник стали системой, что завод под самые окна завален отходами фосфогипса, с дождями и они попадают в месторождение питьевой воды. Собравшиеся захлопывали и освистывали экологов и руководителяй завода:\»Как такое допустили?!\»

Госкомприроде на тот момент был всего год от роду. Но ее сотрудники и до того работали в природоохранной сфере, только относящейся к разным ведомствам: кто-то следил за воздухом, кто-то — за водой и почвами. \»Почему ставили свои подписи при приемке объекта?\» \»Сверху нажимали: не подпишешь — уволим\». И вот новый завод стал, как нарыв. Может ли заметка журналиста помочь ответить на вопрос \»что делать\»? На это надеялись приглашавшие. Но цензоры считали по-другому и в газеты не пропустили ни строчки.

Что было дальше? В начале лета 1989 года случились экстраординарные ферганские события. В Коканде выступления проходили не только под экстремистскими этническими лозунгами, но и экологическими… В июле, когда ЧП миновали, в Коканд приехал министр союзного Министерства удобрений и вместе с узбекскими специалистами осмотрел неудобное предприятие. Мне тогда довелось не только пройти в большой профессиональной команде по территории и производственным корпусам, но и опубликовать сообщение в номер: \»Новококандский химический завод закрыт\».

Кому-то эта старая история покажется утомительной, ведь \»сейчас не так\». Но в том и беда, что и сейчас нередко так: экономические интересы приоритетны, а экологические ошибки — дорогостоящи. Строительство Новококандского химзавода стоило 120 миллионов рублей, а рубль тогда равнялся доллару. Участок был выбран в 1972 году с согласия правительства Узбекистана. О том, что завод строится над Сохским месторождением пресных подземных вод, заказчик — Министерство удобрений СССР — узнал лишь в 1982, но и тогда, как свидетельствовал министр, никто не потребовал остановить стройку. Ко всему был грубо нарушен проект: по настоянию близлежащего аэропорта трубу сернокислотного производства по ходу дела укоротили почти вдвое, из-за чего загрязненность воздуха в округе в несколько раз превысила норму. В итоге стали чахнуть и люди, и посевы.

Решение о закрытии завода принимала Госкомприрода. А виновных, как утверждали представители руководства республики, выявит республиканская прокуратура и привлечет к ответственности. Еще говорилось, что Сохский галечниковый щит, занимающий свыше четырехсот квадратных километров, следует рассматривать как особо охраняемую зону. Здесь обнаружены десятки объектов, загрязняющих месторождение пресных подземных вод. Остановить, очистить, грязные воды перехватить, откачать!.. В призывы тогда верилось. Не верилось, что кто-то ответит за завод. Никто и не ответил. Союз распался.

\»Не пилите опилки\»

Что толку задним числом стенать по выброшенным миллионам и загрязненным подземным водам! Пилить опилки — дело пустое, лучше извлечь из ошибок уроки. Они и были извлечены. Закон “Об охране природы”, принятый в Узбекистане в 1992 году, разрабатывался, когда помнились протесты населения против загрязнения. Тогда осознавали, что неэкологичные навороты бьют и по экономике.

Потому и закон получился. Объемный, включающий свыше полусотни статей. Как Конституция, он отвечал практически на все вопросы. Исходя из опыта Новококандского химзавода и ряда других здесь записали: “Ввод в эксплуатацию объектов, не отвечающих экологическим требованиям, запрещается”. Что надо, чтобы ловить ошибки не в стадии

готовности объекта, а до того? Закон предусмотрел “обязательность экологической экспертизы” и определил, что ей подлежит: проекты государственных программ, концепций, материалы выбора площадок под все виды строительства, предплановая, предпроектная и проектная документация… Далее говорилось очень жестко: “Реализация проектов без положительного заключения государственной экологической экспертизы запрещается”.
Целый раздел из пяти статей разъяснял про экологический контроль, задачи которого: “…наблюдение за состоянием окружающей природной среды и ее изменениями под влиянием хозяйственной и иной деятельности; проверка выполнения программ и отдельных мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, оздоровлению окружающей природной среды, соблюдению требований природоохранного законодательства и нормативов качества окружающей природной среды”.
Прости, читатель, за длинную цитату. Но так детально законодатели расписали задачи, чтобы ошибки свести на нет. Пусть экологи глаз не спускают с загрязнителей! Их только в Ташкентской области около двух тысяч. А в Фергане… В благодатной долине — комплекс промышленных предприятий и узел проблем. Немало их создал Ферганский нефтеперерабатывающий завод с его выбросами в атмосферу и огромными утечками нефтепродуктов в грунт. Он должен выполнять Закон \»Об охране природы\»!
В десятую годовщину принятия закона экологи констатировали его многократные нарушения на ФНПЗ. Об этом доложили на выездной коллегии Госкомприроды по итогам проверки. Участников коллегии заводчане провезли и провели по отдельным объектам. Там все блистало. Рядом с цехом гидродесульфуризации плавали в бассейне золотые рыбки. На пульте управления мигали мощные компьютеры. Желтые брикеты серы, полученные после очистки дизельного топлива от примесей серы, а еще красные, желтые, серебристые трубопроводы над идеально чистой территорией радовали глаз. Автоматика контролировала налив нефтепродуктов в железнодорожные цистерны, и пояснения тоже были замечательны: \»Ни капли мимо\».
Между тем информация по итогам проверки была удручающей. Никто не отрицал отдельных успехов, но в целом…

Помидоры — в нефтепродуктах

Неприглядное это зрелище. Так бывает на полях соседних хозяйств при авариях на заводе. О них по Закону \»Об охране природы\» загрязнители обязаны немедленно информировать экологов. Не информируют даже при крупных, таких, как авария в июне 2001 года. Тогда нефтепродуктами завода было залито в соседнем Ташлакском районе семь километров оросительных сетей и 17 гектаров пашни. На рассвете черную жижу в оросительном канале заметили местные поливальщики. А на заводе об аварии знали еще дня за четыре до того.
Первым утечку заметил машинист: земля почернела у железнодорожного полотна, и доложил начальству. Не афишируя, заводские выкопали котлован у трубопровода, но пока суд да дело, на месте утечки образовался свищ. Нефтепродукты заполнили выкопанный котлован и стали переливаться через край, попав в оросительный канал и на поля. Закон соблюли местные дехкане, сообщив о происшествии в органы охраны природы. Сутки ассенизационные машины откачивали углеводороды вперемешку с водой из котлована, вывозили на завод. Сто тонн загрязненного грунта свезены в отслуживший свое карьер. В общей сложности, подсчитано, вытекло свыше 25 тонн. Полторы тонны нефтепродуктов вычистить не удалось.
Нанесенный ущерб экологи оценили в полмиллиарда сумов. Областной хозяйственный

суд удовлетворил исковое заявление. Высший хозяйственный суд, куда была подана апелляция нефтепереработчиками, снизил сумму до шестидесяти миллионов. Экологи это оспаривали и до коллегии и после, считая, что ущерб окружающей среде занижен.
Но вернемся от судебных перипетий к нарушениям Закона \»Об охране природы\», ведь та авария была на заводе не единственной. В ходе комплексной проверки Ферганского нефтеперерабатывающего в апреле 2002 года на узле разделки нефти экологи выявили факт недавней аварии, связанной с проливом нефтепродуктов в незащищенные грунты. Следы прорыва нефтепродуктов в сторону Ташлакского района обнаружили, проверяя состояние шламонакопителей. Предназначенные для сбора и отстоя загрязненных нефтешламов все четыре накопителя были переполнены выше критических отметок, борта наращены гравием, что — чистая самодеятельность, как и несколько переполненных металлических емкостей для отходов, не предусмотренных проектом. В пробах грунта, взятых за заводским забором, нефтепродуктов было 5-6 граммов на килограмм. Каков здесь счет чрезвычайным происшествиям?

Ташлакской беде не одно десятилетие. Суть ее в том, что на ФНПЗ, построенном в 1958 году, утечки случались с самого пуска. Сначала на них не обращали внимание. Когда в восьмидесятые годы нефтепродукты в подземных водах ниже завода засекли гидрогеологи, заводчане заглубленные трубопроводы по большей части извлекли на поверхность. Но есть резервуары в земле, и утечки продолжаются. Язык, спускающийся к Сырдарье под слоем грунта, занимает площадь в семь квадратных километров и толщиной он от долей сантиметра до полутора метров. По данным гидрогеологов, утекло более трехсот тысяч тонн нефтепродуктов.
Правительственными решениями выделялись средства для строительства систем перехвата. Первая — это скважины для откачки условно чистой воды и нефтяные для нефтепродуктов. Как показала проверка, из двадцати нефтяных скважин откачка велась только на семи, из девятнадцати водяных действуют только четырнадцать. Со второй системой перехвата еще хуже. Практически все тридцать скважин выведены из строя — забиты камнями. Ниже проложена третья система перехвата, представляющая собой дрену метров в триста и глубиной в 2,5 метра. Но откачка зависит от уровня грунтовых вод, а он колеблется. Самодельные колодцы, из которых местные жители добывают нефтепродукты на продажу, — от шести до двух десятков метров. Их бизнес — запрещенный и опасный для здоровья — приносит деньги.
Увы, от денег, вложенных государством, эффект неадекватный. На первой линии перехвата насосы недопоставлены, на второй — денег не только на насосы, но и на ограждение не хватило, да и дрена мелка. В итоге имеем те загрязнения подземных вод и почв, что имеем. А еще есть внушительный список нарушений по воздуху: там не работает очистное оборудование, тут идут неорганизованные выбросы. Хотя завод по переработке нефти и выпуску основных видов продукции действует в половину проектной мощности, выбросы загрязняющих веществ за последние три года выросли с 21 тысячи на 3,6 тысячи тонн. Основные ингредиенты в этой массе — метан, сернистый ангидрид, толуол. Процент уловленных и обезвреженных веществ сократился с 30,9 процента до

23,1.
Возникают вопросы и упреки не только к нарушителям Закона \»Об охране природы\», но и к экологам: \»Куда же вы смотрели, исполнение закона не контролировали?!\» Даже при очень хорошем законе, если его исполнение не контролировать, он не исполняется.

Смягчая, теряем покой

Депутаты призывают экологов время от времени к ответу. И это правильно, ведь по положению, утвержденному Олий Мажлисом в апреле 1996 года, \»Государственный комитет Республики Узбекистан по охране природы (Госкомприрода) является специально уполномоченным надведомственным и координирующим органом, осуществляющим государственный контроль и межотраслевое управление в области охраны природы, использования и воспроизводства природных ресурсов\». Подчинен и подотчетен Олий Мажлису.

В положении о Госкомприроде все ее задачи законодатели расписали от и до. Прежде всего это \»осуществление госконтроля за охраной окружающей природной среды\». Много и других задач, включая государственную экологическую экспертизу, руководство заповедным делом, участие в работе госкомиссий по приемке и вводу в действие новых (реконструированных) предприятий, согласование материалов выбора места и отвода земель под все виды хозяйственной деятельности…

Итак, поставлены задачи, даны права. Но по мере разработки законодательства экологов лишали то одного, то другого права с помощью поправок и других законодательных актов. К примеру, в Законе \»Об особо охраняемых природных территориях\» было сказано, что в заповедниках запрещена любая хозяйственная деятельность. Но принимается поправка, разрешающая рубку леса в заповедниках в противопожарных целях. Что рубят, проконтролировать невозможно. Сами заповедные земли поначалу были табу. Но появилась поправка об изъятии земель заповедных территорий в \»порядке исключения\». И немедленно изымается четверть Ботанического сада Ташкента под зоопарк с соответствующими для заповедного сада последствиями.

В мае 2000 года законодатели приняли Закон Республики Узбекистан \»Об экологической экспертизе\». В нем есть статья, где оговаривается презумпция потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности. Есть статья, определяющая объекты экологической экспертизы. Тут полное соответствие Закону \»Об охране природы\». Сказано и про действующие предприятия и другие объекты, оказывающие негативное влияние на состояние окружающей природной среды и здоровье граждан, про все виды градостроительной документации…

Довольно жесткий закон, зато окружающая среда под защитой. Можно и Ферганский нефтеперерабатывающий подвергнуть экологической экспертизе, тем более, что за его забором втихую строятся новые объекты. И других экологических просчетов можно избежать.

Но экономические приоритеты и экологические все меньше стыкуются. 31 декабря 2001 года выходит подзаконный акт правительства \»Об утверждении положения о государственной экологической экспертизе в Республике Узбекистан\». Идея, изложенная в преамбуле, отличная — выражено беспокойство об углублении реформ, о безопасности страны. Все виды деятельности поделены на четыре категории по важности. Названо множество объектов. Но есть две строчки в конце документа, противоречащие закону: \»Виды деятельности, не включенные в данный перечень, не подлежат государственной экологической экспертизе\». Нет здесь ни намека на презумпцию.

Уникальный комплекс \»Физика-Солнце\», что в Паркенте, не попал бы под экспертизу. Да и не только он. Получается, без экспертизы строили, строят и будут строить. Из старых

примеров — Новококандский химзавод, Капролактам, воздвигнутый в пойме реки Чирчик Ташкентский моторный, посвежее — новый Ташкентский зоопарк, построенный как без градостроительной экспертизы, так и без экологической. Еще свежее — Ангренская нефтебаза, посаженная на галечник над месторождением пресных подземных вод. С ней спешили: строительство велось опережающими темпами до экспертизы. Построен без государственной экологической экспертизы канализационный коллектор в Чарвакской зоне. А он почему? Да такого объекта в перечне видов деятельности, подлежащих госэкспертизе, нет.

О чем спрашивают экологов депутаты сегодня? Как допустили то, как допустили это. Спрашивают как избранники народа. Но вопросов будет куда больше завтра, если основному закону будут противоречить другие законы или подзаконные акты. \»Немножко улучшить закон\» — цель благая, но стоит посчитать, что приобретаем, что теряем.

Кунградский содовый

Досье на этот завод журналисты собирали поневоле. Сперва в редакцию \»ПВ\» пришел давний автор и он же эксперт, привлекаемый Государственной экологической экспертизой. Эксперт утверждал, что стоки строящегося Кунградского содового завода по проекту харьковских проектировщиков будут направляться для вечного хранения в шламонакопители. Но это нонсенс: в безводном раю — огромные емкости с водой, которые из-за аммиака, извести и ряда других ингредиентов недоступны для людей. Предлагался вариант утилизации. В порядке полемики газета статью опубликовала, а в ответ поступили разъяснения из Харькова, которые мало что разъяснили. Почему завод почти в стадии готовности, а вопрос о шламонакопителях — в стадии обсуждения?

На тот момент мы уже писали про \»Катекс\», недавно построенный в Каракалпакстане без очистных сооружений. От безысходности текстильщики этого предприятия по временной схеме и по временному разрешению экологов проложили трехкилометровую трубу на рельеф местности, туда и направили стоки красильного производства — получай, родная земля. Может, из-за того, что Каракалпакстан далеко от Ташкента, строят непутево? За разъяснениями мы пришли в госэкспертизу.

Про Кунградский содовый нам сказали следующее: есть у экспертов к нему претензии, проектировщики по закону должны их учесть, но в настоящее время работы на стройке свернуты.

Вашему корреспонденту подворачивается командировка в Нукус, а там и до Кунграда недалеко, а от него еще сорок километров, и вот он — содовый завод. Вместе с начальником мехколонны едем на тот самый рельеф, что подготовлен для сброса отходов и стоков. \»Что записано в проекте, то и сделали\». \»А замечания экспертов?\» \»Про них ничего не знаем\». Эта картинка у меня и сейчас перед глазами: огромные просторы, горячий песок, в естественной впадине — кажущаяся бескрайней выемка под отходы, синеющее на горизонте плато Устюрт. А рядом — построенные и замороженные ярко выкрашенные заводские корпуса. Пора монтировать оборудование, а на стройке — пусто.

Проходит год, снова отправляюсь в госэкспертизу. Признаюсь, что слышала о возобновлении работ на Кунградском содовом и что теперь завод станет выпускать не каустическую соду, как планировалось, а переключится целиком на кальцинированную. \»Есть оценка воздействия на окружающую среду переделываемого объекта?\» Выясняется, что проект ЗВОС (Заявления о воздействии на окружающую среду) проектировщики, теперь уже отечественные, как положено по закону представили. К сожалению, в нем нет принципиального решения, что делать с огромными объемами загрязненной воды. Но есть инвестор и следует быстрее шевелиться. Пришлось одобрить проект, что позволило открыть финансирование, скажем, для закупки оборудования. Но

строительные работы — по Закону \»Об экологической экспертизе\» — можно начать только после представления проектировщиками самого Заявления о воздействии на окружающую среду с выполнением требований экологов по утилизации стоков. Заявление не поступало, экспертизы не проходило. А стройплощадка, что муравейник.

Наверное, Закон \»Об экологической экспертизе\», если оценивать природоохранное законодательство в целом,- самый трудновыполнимый. Экономика на него напирает напрямую, а в обход — другие законы и подзаконные акты, вроде \»перечня видов деятельности, по которым проводится государственная экологическая экспертиза\». Напомним — это приложение к правительственному постановлению \»Об утверждении Положения о государственной экологической экспертизе Республики Узбекистан\» от 31 декабря 2001 года. Первый крупный объект, построенный вне перечня, — Чарвакский канализационный коллектор.

Приезжайте на Чарвак

В этих благословенных местах ни о чем неприличном думать не хочется, тем более — о канализационных стоках. Было время и не очень давнее, когда их из прибрежных пионерских лагерей спускали по недосмотру прямо в чашу Чарвака. Но затем проблема была осмыслена, и в начале восьмидесятых подготовлен проект коллектора. Однако по ряду причин его отложили и развитие зоны отдыха приостановили.

Здесь удивительные пейзажи. Вечные горы, переменчивая вода, то сумрачное, то ясное небо, прозрачный воздух, они заманчивы не только для отечественного, но и международного туризма. В 2001 году на самом высоком уровне принимается решение по Чимган-Чарвакской зоне отдыха. Ей быть! Начинают строительство пансионатов крупные промпредприятия, а параллельно развинчивается штопор с коллектором. Благо, проект, хоть и старый, но имеется. Его освежают — и за дело.

Все мы люди и все мы человеки, никто не откажется побродить в окрестностях Чарвакского водохранилища, полюбоваться природой. У воды не хочется думать про аварии. Но если проект Чарвакского канализационного коллектора не прошел экспертизы, какие гарантии?..

Все его огрехи видны только теперь, когда стометровый вантовый мост перекинулся через сай, когда нитка коллектора пробежала по склону. По нормам, она не может пролегать ближе чем на сто метров от уреза воды, но есть участки, где куда ближе. Должна быть и вторая нитка, незаменимая при ремонтах. Обязательны насосная станция, резервуар, способный перехватывать стоки хотя бы в течение суток — и их надо строить. Стоки Чарвакской зоны придут на очистные сооружения города Чирчика — и их надо расширять едва ли не вдвое.

Экологи, присутствуя при приемке объекта, высказали свои требования. Но, по пословице, обещанного три года ждут.

По жизни ждут и гораздо дольше, как ждут на Алмалыкском горно-металлургическом комбинате. На его медеплавильном заводе с 1986 года строится печь кислородно-факельной плавки. Она позволит утилизировать сто тысяч тонн газов. Пока они ходят, плохо рассеиваясь, по замкнутой Ахангаранской долине: до полудня — вниз, после полудня — вверх. При том финансировании, что сейчас, на достройку надо больше

десятка лет, утверждают специалисты Ташкентского областного комитета по охране природы. АГМК — в зоне их ответственности, так же, как и Чарвакский коллектор. Оба несут угрозу окружающей среде. Оба подлежат мониторингу.

Почему не \»мониторим\»

Иностранное слово \»мониторинг\» давно у всех на слуху и означает \»наблюдение\». До августа 2001 года ему подлежали в столичной области около двух тысяч предприятий. Экологи располагали информацией, где расположены, что выпускают, какие от них исходят риски. О двенадцати тысячах предприятий малого и среднего бизнеса, зарегистрированных в области после августа 2001 года, данных нет. Депутаты комитета по охране природы Олий Мажлиса, предложив экологам области отчитаться о проделанной ими работе, были этим немало удивлены: \»Вы не выполняете Закон \»Об охране природы\» и ”Положение о Госкомприроде”.

В соответствии с этими законодательными актами экологи обязаны согласовывать материалы выбора места и отвода земель под все виды хозяйственной деятельности. Однако где расположены эти двенадцать тысяч новых предприятий, какими видами деятельности заняты, какие природные ресурсы используют, какие проекты реализуют — природоохранным службам неизвестно.

Принято считать: чем новее закон или подзаконный акт, тем главнее. Постановление \»О регистрации предприятий малого и среднего бизнеса\» — 2001 года. Им экологи от регистрации отлучены. Прийти на предприятие и выяснить, несут ли угрозу новые предприятия окружающей среде, имеют право по Закону \»Об охране природы\» (1992 год), но не имеют его по Закону \»О государственном контроле деятельности хозяйствующих субъектов\» (1998 год) и более поздним поправкам к нему.

Запомнилось на заседании парламентского комитета эмоциональное выступление одного из специалистов, заявившего о “войне законов”. Его не все поддержали, мол, недипломатично, мы же — в Олий Мажлисе. А он говорил о столице. \»В четвертом квартале мы планировали проверку особо значимых промышленных предприятий. Координационный совет вычеркнул четырнадцать предприятий, в том числе и авиаремонтный завод. А здесь и гальваника, и другие вредные производства! Вместо заводов нам вписали для проверки общепит, аптеку, профсоюз…\»

За год до того в Ташкенте несколько дней стоки из очистных сооружений сбрасывались в один из каналов. Реалии таковы. И на этот объект можно прийти раз в год, если его включит в число комплексных проверок хозяйственной деятельности Координационный совет. Если предприятие платит исправно налоги и другие платежи, не допуская видимых нарушений, то оно на два года вне подозрений. Как чирчикский Электрохимпром. Два года за его выбросами и сбросами экологам позволяется наблюдать только из-за забора. Берут пробы в \»хвостах\». Если сто миллионов кубов загрязненных стоков сбрасываются в Чирчик, то 99 — его. Надо обязательно регулярно бывать на заводе, смотреть оборудование, чтобы не регистрировать запредельную ситуацию, а предотвращать ее. Свои замеры выполняет заводская лаборатория. Однако необходимы и вневедомственные замеры. Можно и без них. Но тогда нечего рассчитывать на здоровую окружающую среду.

Наверное, говорить так в Олий Мажлисе и в самом деле недипломатично. Но, с другой стороны, законы и подзаконные акты не должны друг другу противоречить. Должны быть продуманы до мелочей. А то приняли депутаты Закон \»О лесе\», но не записали в нем, что выпас скота в лесу запрещен. И за несколько лет поел скот в лесах пять эндемических видов смородины.

В случае с проверками и мониторингом вообще сплошные вопросы. Вот что сказано в Законе \»О проверках деятельности хозяйствующих субъектов\» о его цели: \»Настоящий Закон регулирует отношения, связанные с осуществлением государственного контроля деятельности хозяйствующих субъектов\». Между тем, \»экологический контроль имеет своей задачей (еще раз цитируем Закон \»Об охране природы\»): наблюдение за состоянием окружающей природной среды и ее изменениями под влиянием хозяйственной и иной деятельности\».

Вроде бы законы о разном: один о контроле за хоздеятельностью, другой — об экологическом контроле за состоянием природной среды. Но как все смешалось. Для ясности в апреле этого года Кабинет Министров принял Положение о государственном мониторинге. До нового года должна быть разработана Программа мониторинга окружающей среды Республики Узбекистан. Есть надежда, что в ней не будет перечня с указанием \»остальные мониторингу не подлежат\».

Рычаги… для печи

Порядка 26 миллиардов сумов стоит строительство кислородно-факельной печи в Алмалыке. Затрачено больше половины этой суммы, но надо еще много миллиардов. Где брать деньги на природоохранные нужды? Из прибыли — один источник. И это дело сугубо добровольное. Но стимулировать призваны другие платежи — за пользование природными ресурсами, загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, других видов вредного воздействия, а также лимитов на использование природных ресурсов. Предполагалось, что эти платежи станут \»экономическими рычагами\». Но эта система пока несовершенна.

Начали ее создавать в Узбекистане с введения платежей за сверхнормативное загрязнение. Так было в девяностые годы: экологи проводили мониторинг, деньги поступали в местный и республиканский фонды охраны природы, а затем направлялись на первоочередные природоохранные нужды.

Хотели, было, сделать шаг вперед в декабре 2000 года. Тогда в своем постановлении правительство (по Закону \»Об охране природы\» установление порядка платы находится в его компетенции) определило новый порядок: взимать платежи за любое загрязнение и размещение отходов. Распределение их в пропорции: 20 процентов — в фонды охраны природы, и 80 процентов — в бюджет. Наверное, мы до этого еще не доросли. Во-первых, не смогли обойтись без исключений, иначе бы пришлось остановить Водоканал, метрополитен и много других объектов. А во-вторых, поскольку в связке \»налоговики-экологи\» главнее оказались налоговые органы, то платежи до фондов охраны природы часто не доходили. Идут судебные процессы, денег нет, рычаги не стимулируют…

Сейчас в стадии разработки находится новый порядок взимания платежей. Цель: ужесточить пресс за сверхнормативное загрязнение окружающей среды и пока отказаться от взимания платы за нормативное. А деньги, ожидается, снова будут концентрироваться в местных и республиканском фондах охраны природы. Кстати, его же пополняют и — согласно Административному кодексу — будут пополнять штрафы, взимаемые с

нерадивых администраторов и даже банкиров.
Предполагалось, что это тоже станет своего рода \»экономическим рычагом\», мол, не нарушай. Банкир, к примеру, не должен нарушать уже многократно упоминаемый закон об экспертизе в той его части, где говорится: \»Заключение государственной экологической экспертизы обязательно для исполнения юридическими и физическими лицами при финансировании и реализации объекта государственной экологической экспертизы. Запрещается финансирование проектов банковскими и иными кредитными организациями, а также их реализация без положительного заключения государственной экологической экспертизы\».
Теперь к банкам санкции предъявить невозможно. Что они финансируют, с экспертизой или без? Как о достижении экологи Ташкентского областного комитета, отчитываясь в Олий Мажлисе о своей деятельности, рассказали о факте, когда оштрафовали двух председателей банков. Вышли на них случайно, в ходе проверки предприятий, которую инициировала служба национальной безопасности. Помимо прочих выявленных грехов, частные предприниматели строили без экологической экспертизы, а банки финансировали. Оштрафованы банкиры в соответствии с Административным кодексом в размере до десяти минимальных зарплат.
Вообще-то сумма удивляет. Никакой это не рычаг ни для банкира, ни для руководителя производства.

Быль об огарках

Мне довелось познакомиться с постановлением Ташкентской областной прокуратуры о возбуждении производства об административной ответственности директора \»Заргарлик заводи\», как теперь называется бывший завод \»Алмаз\», и директора НПО \»Фонон\». В чем виноваты? Вообще-то история эта давняя и ее первую часть можно полностью списать на советское время. Во время второй мировой войны в районе Бурчмуллы начались разработки мышьяка и висмута. Тогда, конечно, ни о какой экологии не думали: \»Надо фронту, добудем\». Мышьяковистые огарки весом примерно в сорок тысяч тонн остались на берегу сая, впадающего в Чарвак.
В начале девяностых экологи их обнаружили и забили тревогу. Нашли правопреемника — ассоциацию \»Узалмаззолото\», дожали ее, чтобы закрыла отвалы мышьяковистых огарков саркофагом. Хотя много есть претензий к выполненным работам (закрыли не бетоном, а инертным материалом, лотки для сбора воды по контуру отвалов разбиты или разворованы), но, в общем, мышьяк в Чарвак не смывает, наблюдения за этим объектом ведутся. Другое дело — отвалы висмута бывшего Устарасайского рудника. Гора их — прямо в поселке. Тут и люди ходят, и скотина пасется.
В 1997 году бурчмуллинский завод \»Алмаз\» передается с баланса ассоциации \»Узалмаззолото\» на баланс НПО \»Фонон\». Одновременно передаются и лимиты в более чем полмиллиарда сумов для \»рекультивации хвостового хозяйства Устарасайского рудника, биологический этап\». Но в адресный список, утверждаемый Минмакроэкономстатом на 1998 год, объект не попал. Может быть, там его сочли не очень важным. Далее ни НПО \»Фонон\», ни \»Заргарглик заводи\» ни деньгами, ни хвостохранилищем не интересуются.
Весной 2002 года областная прокуратура, рассмотрев заявление Ташкентского областного комитета по охране природы, возбуждает производство об административной ответственности директоров. Штраф до трех минимальных зарплат, предусмотренный ст.70 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности, не убеждает. Висмутовые огарки — по-прежнему в центре Бурчмуллы.
Меньше всего автору этих строк хотелось бы морализировать, делать какие-то выводы о

необходимости изменения законов. Наверное, какие-то из них и в самом деле надо менять. Противоречия в законодательстве, очевидные слабости и недочеты отдельных законов и подзаконных актов, несогласованность их в принципе объяснимы. Ведь до сих пор, хоть и разрабатываются специалистами, утверждаются законы и поправки депутатами, но известно, как это происходит. Приехал депутат на сессию Олий Мажлиса, пролистал ту пачку документов, что вручили, и проголосовал \»за\» в надежде, что специалисты знают, что пишут. Будет парламент на постоянной основе, будут заинтересованные и компетентные обсуждения законопроектов и подзаконных актов исполнительной власти — станет иначе. Хочется надеяться.

Наталия ШУЛЕПИНА

\»Правда Востока\», 6,7.11.2002г., экоальманах \»Под знаком Арала\», 2003г.

P.S.Этот материал, как и многие другие на сайте, опубликован в прессе несколько лет назад. Многое изменилось. Но и сейчас нередко окружающая среда — в роли потерпевшей.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

17.06.2009